

Названия русских бортовых знамен— историко-лингвистический источник

Круг источников, которыми располагает история русского языка, постепенно расширяется. Однако такие специфические источники, как названия русских бортовых знамен, еще не привлекали внимания исследователей. Больше того, бортовые знамена и их названия не подвергались специальному изучению не только в лингвистическом плане, но даже не исследовались специально и историками. В работах, посвященных истории пчеловодства, бортовые знамена упоминаются лишь попутно, постольку, поскольку они были знаками собственности. Подобные упоминания встречаем в работах А. Терлецкого, Е. М. Баранцевича, В. П. Попова¹. Более обстоятельное рассмотрение бортовых знамен как знаков собственности находим у П. Ефименко². Ефименко рассматривает последние не изолированно, а в качестве одной из составных частей большой группы помет, названных им «юридическими знаками». Материалы, приведенные Ефименко, были использованы Е. Т. Соловьевым³. Таким образом, бортовые знамена вообще мало изучены. Между тем их названия и

¹ См.: А. Терлецкий. Пчеловодство в России в старину, отд. оттиск, б. г.; Е. М. Баранцевич. Ведение пчел на Руси. «Вестник иностранной литературы пчеловодства». СПб., 1898; он же. Обзор исторических сведений по ведению пчел на Руси. Томск, 1913; В. П. Попов. Летопись русского пчеловодства (с 912—1912 г.). Пенза, 1913.

² П. Ефименко. Юридические знаки. — ЖМНП, 1874, № 10—12.

³ Е. Т. Соловьев. Знаки собственности в России. Казань, 1885.

начертания представляют значительный интерес и в историко-этнографическом, и в лингвистическом отношении.

Бортничество составляло одну из важнейших статей древнерусского хозяйства. Помимо удовлетворения внутреннего спроса, мед и воск вывозились в большом количестве в другие страны, это были важнейшие предметы экспорта в Византию, Западную Европу и в Азию. Слова «бортъ» и «бортник» упоминаются в ранних летописных известиях. Русская Правда узаконила право владельцев на борти, положив штраф в 12 гривен на того, кто «раззнаменае бортъ», иными словами, уничтожит знаки законного владельца и наложит свои. Среди русских земель, где было развито бортничество, выделялась Северская. Так, в «Сказании о Мамаевом побоище» князь Дмитрий рязанский говорил Андрею полоцкому: «но ныне, брате, слышал, яко приидоша ко мне медокормци из Северы, а кажут: князь великий на Дону туто хочет ждати поганого Момаея»⁴.

Бортные знамена служили для обозначения принадлежности бортных деревьев определенным владельцам. Знамена представляли собой вырубленные или вырезанные на дереве пометы. В литературе не находим общего мнения относительно того, напосились ли знамена на все деревья бортного угодья, или только на те, которые ограничивали последнее. Каждый бортник, отыскав новое бортное дерево, закреплял его за собой, накладывая на него свои знаки. Владельцы бортей, замечает Ефименко, не только добывали из них мед, но и пользовались также правом на рубку дров и строевого леса и ловлю зверей в тех лесных участках, где находились бортные угодья⁵. Ефименко предполагает, что вслед за правом входа в лес владельцы приобретали право собственности на этот лес и первоначальный бортный знак превращался в знак ухозя, т. е. «знамя». Этому процессу, по его мнению, способствовало и то обстоятельство, что знамена вырезывались на границах лесных участков. Напротив, Терлецкий полагает, что «каждый хозяин лесных бортных ухозяев полагал на каждой своей борти особые приметы, особые бортовые знаки, по которым он отличал свои борти

⁴ Сказание о Мамаевом побоище. «Повести о Куликовской битве». М., 1953, стр. 93.

⁵ П. Е ф и м е н к о. Юридические знаки. — ЖМНП, 1874, № 10, стр. 80.

от чужих; причем вдобавок бортные ухажья каждый хозяин ограждал или отделял от чужих особыми межами или границами, на которых стояли особые столбы»⁶. Независимо от того, как налагались пометы — на все деревья угодья или только на пограничные, бортные знамена являлись знаками собственности и обозначали часть бортного леса как особое владение⁷. В бортных знаменах можно видеть одну из разновидностей межевых знаков. Не случайно в их составе обнаруживаем и такие знаки, которыми пользовались для ограничения и других земельных угодий. Таковы, например, *грань* или *граница* × и *рубеж* —. Ср.: «Грань. . . крестообразная зарубка на дереве как межевой знак»⁸. Знамена *грань*, *граница*, а также и *рубеж* (от *рубити*), по-видимому, древнейшие. Остальные рассматриваемые бортные знамена можно считать специфически бортными, хотя едва ли исключалось их применение и в иных случаях.

Значение представленных в древнерусских текстах бортных знамен как исторического источника заключается прежде всего в том, что нередко названия знамен дополнялись схематическими изображениями тех предметов материальной культуры, которые послужили основой для возникновения этих знамен. Вследствие этого они дают интересные сведения о труде, быте и языке русского народа в прошлом.

Материалом для статьи явились следующие источники: во-первых, путивльская писцовая книга «письма и меры Петра Мусоргского да подъячего Гаврилы Федорова» 1628 и 1629 гг.⁹ и список с писцовых путивльских книг того же времени, составленный теми же лицами¹⁰; во-вторых, их же список с писцовых рыльских книг 1628—1629 гг.¹¹; в-третьих, грамоты Коллегии экономии по г. Брянску за 1595 г.¹²; наконец, роспись бортных вотчинных ухажий Темниковского уезда за 1622 г.¹³ Исполь-

⁶ А. Терлецкий. Указ. соч., стр. 56.

⁷ См. Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси, т. I. М., 1952, стр. 746.

⁸ А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. М., 1910—1914, стр. 155.

⁹ ЦГАДА, Поместный приказ, писц. кн. 368.

¹⁰ Там же, писц. кн. 10553.

¹¹ Там же, писц. кн. 10554, 10555.

¹² ЦГАДА, Грамоты Коллегии экономии, № 3/446.

¹³ ЦГАДА, Вотчинные записки, стб. 18773.

зованы и некоторые данные, опубликованные в таких сборниках, как «Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства»¹⁴, «Акты, относящиеся до юридического быта древней России»¹⁵, а также в статье Ал. С. «Знамена бортовых ухажий Орловской г. в 17 ст.»¹⁶.

Все перечисленные источники, и рукописные, и печатные, представляют собой описания бортовых ухажий с указанием их владельцев, местоположения, границ, знамен, наконец, дополнительных доходных статей и количества медвенного оброка. Например: «За посадкими людьми за Михалком да за Гришкою Василевыми детьми Скрыплицына бортовой ухажей что был за отцом их за Василемъ в Желватцкой волости на рекѣ на Псле да на рѣчке на Удове и по рѣчке по Рыбнице по обе стороны снизу и до верху по ровням и по бояраком и по колодезям с рыбною ловлею и з бобровыми гоны со вспуды и с перевеси и со всякими угоди что к тому ухажю изстари тягла а знамя в том ухажю голова с протесом † судерев тот ухажей с Михаилом Щетининым да с Микитою Рудаковым да с Мартыном Беззубцовым да з Жаденом Климовым з Гришею Угримовым с Митею с Лехеревым дѣлново дерева со пчелами пят дерев да дѣлново ж дерева безо пчел тридцат деревъ а холосцов которые впред в дѣл пригодятца тѣх несчетно оброку с того ухажя бортивно старово четыре пуды дватцат пят гривенокъ меду»¹⁷.

Или еще: «За Григорем же Дашковым прописной ухажей бортовой что был за стрелцом за Тимошкою Долгово в Городетцкой волости на рекѣ на Псле по обе стороны да по рѣчке по Высторону да по Барожбе да над озером Рѣлкою с рыбною и звериною ловлею и з бобровыми гоны и со всякими угоди а знамя в том ухажю ворота †»¹⁸.

В XVII в. на Руси функционировали относительно устойчивые комплексы названий и начертаний бортовых знамен (см. таблицу, стр. 132), но круг названий, по-видимому, продолжал еще пополняться за счет элементов

¹⁴ Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. Изданы Археографическою комиссиею. СПб., 1838.

¹⁵ Акты, относящиеся до юридического быта древней России, т. 2. СПб., 1864.

¹⁶ См. «Изв. имп. Археологического общества», ч. 8, вып. 2.

¹⁷ ЦГАДА, Поместный приказ, писц. кн. 368, лл. 24 об. — 25 об.

¹⁸ Там же, л. 99 об.

местных говоров. Начертания, или рисунки, бортных знамен представляют собой, как было сказано, схематические изображения тех предметов, по которым они получали названия. Таким образом, записи бортных знамен не только регистрируют бытование того или иного слова в минувшую эпоху, но и наглядно раскрывают его лексическое содержание.

Основную группу названий знамен образуют слова, обозначающие реалии быта и труда, орудия труда, сооружения: *бугор* (= *багор*), *вески*, *ведра*, *ведерки*, *ветвина*, *взвилье*, *вилки*, *вилы*, *воробы*, *ворота*, *грабли*, *гребенка*, *дуга*, *дужка*, *заступа*, *калита*, *киец*, *клетка*, *клецы*, *клещи*, *ключ*, *ключик*, *колодка*, *колесо*, *кольцо*, *копыл*, *копылец*, *коробка*, *коробья*, *коромысл*, *коса*, *кочерга*, *крюк*, *крючья*, *лестница*, *лопата*, *лопатка*, *мотовило*, *ночища*, *ночвы*, *оглобли*, *онучки*, *орик*, *острова*, *островка*, *острожки*, *паллица*, *палка*, *полоз санной*, *пояс*, *пробои*, *пудца*, *сапожок*, *сапожки*, *светыч*, *скобель*, *сошка*, *соха*, *стобы*, *стремя*, *тебеньки*, *топор*, *топорок*, *топорки*, *тренога*, *тяглище*, *хомут*, *хомутец*, *цевье*, *чеботок*, *чеботы*, *чеботки*, *шеньдалец* и др.

Значительную группу названий составляют слова, связанные с миром животных и растений: *белка*, *векша*, *вербица*, *ель*, *змейка*, *коза*, *козка*, *конь*, *крылья луневые*, *лапа курья*, *лапа сорочья*, *лапка*, *прут*, *рог олений*, *рог лосиный*, *рожки козы*, *росомаха*, *собака*, *совка*, *сосенка*, *уши заячьи*, *хвост орлиный*, *хвост тетеревиный*, *хвосты*, *хмелинки*.

Встречаем также названия, имеющие отношение к человеку, к частям его тела, внешнему облику и т. д.: *борода*, *бороды*, *бородка*, *бородки*, *бровки*, *голова*, *коленце*, *коса*, *косица*, *косицы*, *ладони*, *локотки*, *ножки*, *ребра*.

Специфическую группу названий образуют элементы военной терминологии: *вои*, *лук*, *стрела*, *тетива*, *шеломец*. Сюда же с известным основанием можно отнести и *топор* и *топорок*, представленные в первой группе.

В особую группу выделяем слова, обозначающие предметы церковного обихода: *венец*, *крест*, *крест косой*, *престол*, *свечи*. Характерно, что названия подобного рода встречаем в описаниях монастырских ухажий и бортных владений духовенства.

Монастырские бортники и духовенство употребляли в качестве знамен и начертания букв. Остальные бортники

пользовались буквенными знаменами сравнительно редко. В этом факте нашла выражение более высокая степень грамотности обитателей монастырей и духовенства. Отмечены такие названия буквенных знамен: *аз, буки, буков, быков, веди, глаголь, добро, живете, мыслете, от (Ŵ), покой, червь, я.*

Помимо буквенных знамен, рисунки и некоторых других знамен нельзя связать с очертаниями тех или иных предметов материальной культуры. Таковы знамена, за которыми были закреплены названия: *большое, великое, косое, кривень, кривоного, кривоножки, кривуля, лежа, лежайка, розног.*

Наконец, укажем такие названия, которые вследствие разных причин нельзя включить в перечисленные группы: *городец, кобылка, кобылки, колея, коник, куцер, лысец, лыч, медведки, месяцы, моторса и муторса, осока и осука, черсло, черта* и т. д.

Как можно видеть, начертания и названия бортовых знамен раскрывают определенные стороны повседневной жизни и быта древнерусского человека. Поэтому неоспоримо их значение для этнографических исследований в историческом аспекте, особенно, если принимать во внимание, что подобных исторических материалов очень мало. Существенно именно то, что здесь мы имеем не только названия, но и изображения соответствующих предметов, хотя бы и крайне схематизированные. Свидетельства бортовых знамен в сопоставлении с современными этнографическими данными позволяют проследить бытование тех или иных предметов в течение длительного времени и в определенных местах. Обратимся к примерам. В XVII в. на территории Путивльского и Рыльского уездов в бортовых угодьях применялись такие знамена, как *острова, островка*. В словаре И. И. Срезневского названий *острова, островка* нет. У Даля отмечены формально близкие к ним образования, причем предмету, обозначаемому этими словами, вполне соответствуют изображения данных путивльских знамен: «*Острбъе* ср. *бстровъ* ж. *островйна*, собр. *островнѣк*, мн. *острбвья, бстрови*, пск. твр. нвг. птрб. прм. срубленные, нетолстые деревья, лесины, с подсеченными сучьями с остряками; *бстровъ* служит лестницею, и ими же обставляют стоjar (срединный шест в стогу), чтобы сырое сено не слеживалось; по *островью* кроют крышу соломой, а нередко и сверху притыкают ее; это

островная крыша; из них ставят целую городьбу, с прогоном для просушки снопов перед укладкой и перед молотбой (сыромолотный хлеб), выстраивая сушило, сушню. . .»¹⁹. Аналогичные указания имеются и в работах, посвященных хозяйственному быту восточных славян, в частности в работе Е. Э. Бломквист. Бломквист, пользуясь материалами XX в., сообщает, что *острови* — средней высоты елки с сучьями, обрубленными сантиметров на десять, что они являются частью одного из приспособлений для хранения и сушки снопового хлеба, сена, гороха, льна и т. д. на Севере и у белорусов²⁰. Таким образом, упоминание о знаменах *острова* и *островка* в путивльской писцовой книге документирует распространение соответствующей реалии на территории, другими источниками не отмеченной, и является более ранним свидетельством, нежели все остальные. Еще один пример. В бортных ухажьях Темниковского уезда в начале XVII в. нередко употреблялись знамена, называемые *воробами*. В словаре Срезневского такого слова нет, а есть только *воробъ*, да и то с неясным значением²¹. Картотека Древнерусского словаря Института русского языка АН СССР примеров такого слова из памятников не содержит. У Даля — «*воробы* мн. *воробье* ср. тмб. *воробка* ж. вор. снаряд для размота пряжи; деревянный крест с колочками на концах, обращающийся лежа на стойке; делают его и стойком, колесом»²². Более детальное описание этого прибора имеется в работе Н. И. Лебедевой «Прядение и ткачество восточных славян»²³. Итак, единственно лишь бортное знамя является свидетельством давнего бытования слова *воробы* и предмета, названием которого оно служит. То же самое можно сказать относительно образований *лыч*, *моторса* или *муторса*. Значение этих фактов для истории языка трудно переоценить.

¹⁹ В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 2. СПб. — М., 1881, стр. 730.

²⁰ Е. Э. Бломквист. Крестьянские постройки русских, украинцев, белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения). «Восточнославянский этнографический сборник». М., 1956, стр. 316.

²¹ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I. СПб., 1893, стр. 302.

²² В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I. СПб.—М., 1880, стр. 246.

²³ См. «Восточнославянский этнографический сборник». М., 1956, стр. 493.

Не менее любопытны в этом плане и другие случаи. Обратим внимание на запись: «знамя взвиле кверху рогами в рогах косяя палица а под ысподом палица ж с тесы а в волости то знамя зовут хомутцом»²⁴. Как видим, усложненному названию знамени местное население пыталось дать краткую характеристику по сходству рисунка этого знамени с хомутцом. Из этой записи становится известно об употреблении в то время слова *хомутец*, кстати, незнакомого словарям русского языка, в которых отмечается *хомутик*, *хомуток*.

Интересны примеры вытеснения живыми образованиями отмиравших. В путивльских бортовых угодьях имело распространение знамя *вески*. Изображение этого знамени напоминает коромысловые весы. Надо думать, что слово *вески*, и тем более *весы*, от которого оно образовано, употреблялись там и в других местах и в более раннее время (XV—XVI вв.), хотя это обстоятельство и не нашло отражения в материалах и исследованиях по истории языка. Так, у Срезневского отмечены только слова *вес*, *весец*, *весчий*, причем *вес* определен как тяжесть товара при взвешивании или гиря, но не прибор для взвешивания²⁵. Ср. замечание П. Я. Черных: «с XVI до XVIII в. становятся известны в письменных памятниках такие бытовые слова, как: *квашня*, *огурец*, *чеснок*, *петух*, *подкова*, *рукомойник*, *утиральник*, *армяк*, *сафьян*, *карты*, *бумага*, *рубин*, *весить* (на весах; вм. *тянуть*) и др.»²⁶. В связи с указанием на сравнительно позднее вытеснение глагола *тянуть* глаголом *весить* небезынтересно отметить, что в Рыльском уезде в начале XVII в. еще употреблялось знамя *тяглище*, рисунок которого идентичен рисунку знамени *вески*. Поэтому можно предположить, что *тяглище* — не что иное, как более раннее название весов, в течение XVII в. вышедшее из употребления. В этом случае бортовые знамена, во-первых, фиксируют более раннее употребление слов *весы*, *весить*, нежели отмечено в литературе; во-вторых, пополняют наши сведения о древнерусской лексике образованием *тяглище*.

²⁴ ЦГАДА, Поместный приказ. Список с писц. кн. 10555, л. 1234 об.

²⁵ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I, стр. 495—496.

²⁶ П. Я. Черных. Очерк русской исторической лексикологии. М., 1956, стр. 210.

Пример иного рода: в то время как части современных говоров знакомо слово *ночвы* (неглубокое корыто, лоток), среди названий бортовых знамен находим *ночвы* и *ночвища*.

Изучение знамен помогает определению исторической географии некоторых слов и соответствующих реалий. Так, в бортовых ухажьях Путивльского уезда в качестве названия бортового знамени зарегистрировано слово *росомаха*. В «Материалах для словаря древнерусского языка» Срезневского этого слова нет, и только недавние раскопки в Новгороде подтвердили бытование данного слова в XIV—XV вв.²⁷

Обращение к бортовым знаменам позволяет в некоторых случаях уточнить или пересмотреть традиционные представления о генетической принадлежности тех или иных слов южновеликорусскому или северновеликорусскому наречию или в целом русскому языку. Обычно полагают, например, что слово *векша* — северновеликорусское²⁸. Между тем в путивльской писцовой книге наряду со знаменем *белка* отмечено и *векша*, причем рисунки знамен одинаковы²⁹. Добавим, что название *векша* выступает в составе такого текста, которому свойствен определенный южновеликорусский колорит: *узвилье* вместо *взвилье* и другие не менее выразительные южновеликорусские черты. Слово *орати*, по установившемуся мнению, характеризует северновеликорусские говоры. С югом соответственно связывают слово *пахать*. Однако исторически югу не чуждо было употребление образований, родственных слову *орати*. В Путивльском уезде, например, применялось знамя *орик*, напоминающее по рисунку сельскохозяйственное орудие для пахоты. Сопоставление этого рисунка с рисунком знамени *соха* не оставляет сомнения в их графической близости. Слово *орик* можно рассматривать как уменьшительную форму от *орь*. Знамя с таким названием встречаем в Рыльском уезде: «а знамя. . . орь з двумя рубежи хвостъ пересечень»³⁰. Рисунок этого знамени без

²⁷ П. Я. Черных. Очерк русской исторической лексикологии, стр. 39.

²⁸ См. статью «Состояние разработки и задачи дальнейшего изучения вопроса о диалектной основе русского общенародного языка». — ВЯ, 1958, № 5, стр. 8.

²⁹ ЦГАДА, Поместный приказ, писц. кн. 368, л. 52 об.

³⁰ Там же, писц. кн. 10554, лл. 79, 89 об.

рубежей и пересечения определенно ассоциируется с орудием для пахоты, впрочем, по всей вероятности, более древним, нежели применявшееся в XVII столетии. Последнее носило название *сохи*. Видимо, слово *орь* и производное *орик* в северских местах в XVII в. сохранялись исключительно в силу вековой традиции знаменования и не были свойственны живой речи. А то, что в других древнерусских текстах слово *орь* не встречается, позволяет считать эту традицию местной. Забвение реальной основы знамени, его известная формализация благоприятствовали осложнению первоначального рисунка такими дополнениями, которые не имеют ничего общего с реальной основой знамени. Ср.: «знамя орикъ о дву хвостах, орик шестеркой с поясомъ, орикъ шестеркой без пояса, орик з двема хвосты» и т. п.³¹ Учитывая то обстоятельство, что в названиях бортовых знамен могли сохраниться следы явлений более древних, чем XVII в., исследование этих названий необходимо и в интересах познания истории языка более ранних эпох.

Некоторые бортовые знамена представляют собой не отдельные изображения и соответствующие названия, а комбинации из нескольких изображений и соответствующих названий. Сочетание в составе этих, условно говоря, комбинированных знамен нескольких изображений и соответствующих названий позволяет исследователю с большей уверенностью дифференцировать первые и вторые — одни по начертанию, другие по семантике.

Бортовые знамена иногда фиксируют употребление слова в таком значении, которое ныне ему не свойственно, т. е. свидетельствуют об изменении смыслового объема данного слова за три столетия. Применялось, скажем, знамя *вилы на обе руки*³². Здесь *рука* имела значение «сторона». Ср. у Даля: «Бок, сторона, говоря только о двух сторонах: правой и левой; уклонение от прямой черты вправо или влево. *Иди по одну руку речки, я пойду по другую. Он мою руку держит, он на моей стороне, за меня*»³³.

Вследствие того, что бортовые знамена переходили из поколения в поколение по традиции, применявшиеся в

³¹ ЦГАДА, Поместный приказ, писц. кн. 368, лл. 115, 139 об., 155 об., 228.

³² ЦГАДА, Вотчинные записки, стб. 18773, л. 150.

³³ В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 4. СПб. — М., 1882, стр. 110.

качестве этих знамен схематические изображения тех или иных предметов с течением времени становились все более условными. Вероятно, поэтому в наше время неясна смысловая сторона названий таких знамен, как *городец*, *вербица*, *квакшина*, *лыч*, *моторса* или *муторса*, *осока* или *осука*.

Исследование названий бортовых знамен может пополнить наши сведения о словообразовании в древнерусском языке, например образовании уменьшительных форм. Если говорить об именах нарицательных, письменные источники иных категорий небогаты подобными сведениями. Материалы знамен подтверждают, в частности, продуктивность уменьшительных форм с суффиксом *-к-*: *змейка*, *клетка*, *кобылка*, *козка*, *колейка*, *колодка*, *коробка*, *ланка*, *лежайка*, *островка*, *совка*, *сошка*; *бровки*, *ведерки*, *вески*, *вилки*, *локотки*, *медведки*, *ножки*, *онучки*, *острожки*, *рожки*, *сапожки*, *чеботки*, *черпки*, *шмелючки* и т. д. В то время суффикс *-ица-* в названиях орудий действия уступал место *-к-*: вместо *виллица*, *ложница* появлялись *вилка*, *ложка* и т. д.³⁴ Уменьшительные образования на *-ец* были еще довольно употребительными: *городец*, *киец*, *копылец*, *лысец*, *хомутец*, *шеломец*.

В названиях бортовых знамен документированы и характерные для той эпохи морфологические явления. Ср., например, указание на двойственное число: *луневые крыле*³⁵.

Не лишены интереса извлекаемые из начертаний и названий знамен сведения, касающиеся древнерусского письма. Любопытно, к примеру, то обстоятельство, что в начале XVII в. буква *ѡ* в народной среде носила название *я*, а не *юс малый*: «знамя. . . покои а в середине я» (далее начертание буквы *П*, а в ней — буквы *ѡ*)³⁶. В качестве буквенных бортовых знамен использовались преимущественно первые буквы алфавита: *аз*, *буки*, *веди*, *глаголь*, *добро*, *живете*. Употреблялись с этой целью также буквы *мыслете*, *покой*, *червь* и *я*. Можно думать, что использование других элементов алфавита в функции бортовых знамен было затруднено либо тем, что округлые очертания этих букв не поддавались достаточно правиль-

³⁴ П. Я. Черных. Историческая грамматика русского языка. Изд. 2. М., 1954, стр. 320.

³⁵ ЦГАДА, Поместный приказ, писц. кн. 368, л. 295.

³⁶ Там же, писц. кн. 10555, л. 1218 об.

ному воспроизведению топором или ножом, либо буквы вообще оказывались сложными для воспроизведения на дереве, либо начертания букв совпадали с начертаниями небуквенных знамен, например начертанием *границы*. Наиболее часто в бортных ухожьях встречается знамя *буки*, причем изображение этого знамени в разных местах неодинаково, к тому же иногда перевернуто или обращено в противоположную сторону. В ухожьях Путивльского и Рыльского уездов редко встречаются отклонения от уставного *буки*. Напротив, в брянских местах рисунок этой буквы как бортного знамени существенно отличается от рисунка уставного, в нем с трудом угадывается скорописный вариант, притом скорее XVI, а не XVII в. Угловатость начертания знаменного *буки* объясняется способом его нанесения. Характерно и название скорописного варианта — *буков* или *быков*, а не *буки*. В образовании *буков* усматриваем результат проникновения в именительный падеж единственного числа формы винительного падежа единственного числа, а написание *быков*, возможно, явилось на почве смещения начертания букв *у* и *г* (ижца) в условиях наличия в районе Брянска в прошлом звука среднего между *и* и *ы*.

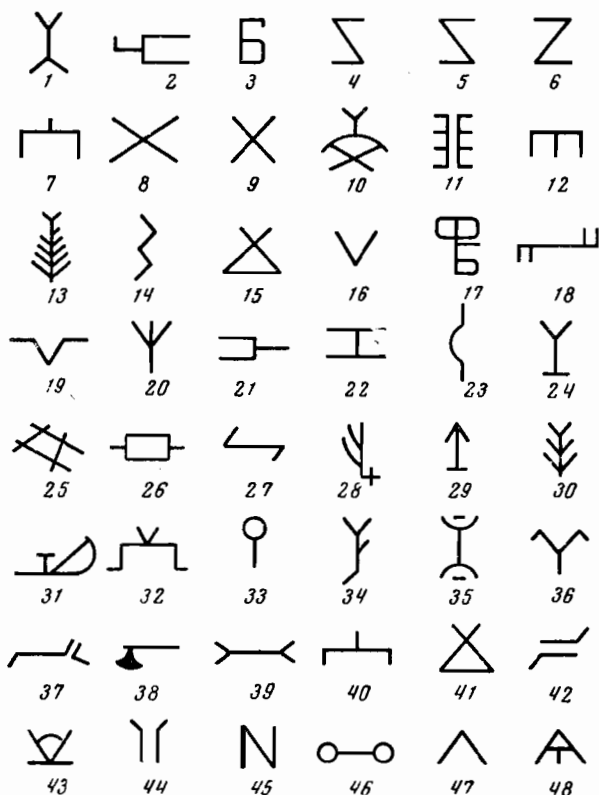
Предварительное сравнение бортных знамен старой Северской земли с нижегородскими и темниковскими дает основание предполагать известные различия в их составе, но выяснение этого вопроса — предмет специального исследования.

Вместе с показаниями современных говоров показания старинных бортных знамен помогают определять в историческом плане географию некоторых лексических фактов и обогащают наши сведения о древнерусском словаре. Свидетельства бортных знамен, не подкрепляемые диалектными данными и данными иных категорий памятников XVII в., проливают свет на лексические явления более раннего времени.

Поскольку в записях бортных знамен название их реальной основы иногда сопровождается ее схематическим изображением, источник приобретает, помимо лингвистического значения, и иное — для истории материальной культуры.

Как всякий источник, и бортные знамена нуждаются в критической оценке. Необходимость критического подхода обусловлена рядом обстоятельств. Во-первых,

Образцы бортовых знамен*

1 — белка, векша	16 — квакшина	32 — престол
2 — бугор (багор)	17 — ключ амбарный	33 — пробой
3 — буки	18 — крылья луновые	34 — рог олений
4 — буки (скорописный вариант)	19 — ладони	35 — росوماха
5 — буков	20 — лапа сорочья	36 — соха с откоски
6 — быков	21 — лопата	37 — соха
7 — вески	22 — лыч	38 — топор
8 — вилы на обе руки	23 — лук	39 — тренога
9 — воробы	24 — мотовило	40 — тяглице
10 — городец	25 — моторса—мурторса	41 — хвост орлиный
11 — грабли по четыре
клетца колодками
вместе	26 — ночвы	42 — хмелинки
12 — гребенка	27 — орик	43 — хомутец
13 — ель	28 — орь с двумя рube-
жи, хвост пересечен	44 — чеботки
14 — змейка	29 — осока—осука	45 — чересло
15 — калита	30 — островка	46 — черепки
	31 — полоз санный с ко-
пыломи с ветвиною	47 — шеломец
		48 — я

* Переданы схематически.

в названиях бортовых знамен встречаются и такие, значение которых неясно; во-вторых, рисунки бортовых знамен не всегда вполне выразительны, и в случае полисемии названий трудно бывает установить соотносительность того или иного рисунка с определенным значением; в-третьих, в названиях бортовых знамен отложились разновременные языковые факты.

С учетом этих обстоятельств изучение бортовых знамен, безусловно, необходимо для истории русского языка.